

Георгий Голубенко

Последние рассказы

Моя спортивная жизнь

У тренера нашей консерваторской команды по футболу была кличка Бетховен. Дело в том, что он был абсолютно глухой. И обладал примерно такого же масштаба склерозом.

– Как фамилия этого Голубеньки, который играет у нас на правом краю? – спрашивал он у нашего капитана Додика Эстермана.

– Голубенко! – орал в ответ Додик, находясь примерно в метре от Бетховена.

– Так как его фамилия?!

– Го-лу-бен-ко!!!

– Как-как?!

– Ничего не понимаю, – чуть не плакал Додик. – Я извиняюсь, Наум Зиновьевич, это вы не слышите или это вы не помните?

– Ну хорошо, – успокаивал его тренер, – не знаешь, как его фамилия, – ну и не надо. Я потом в журнале посмотрю. Так кто он такой, этот Голубеньки?

– Скрипач!

– Ой, точно, я же видел, как он играет на скрипке.

– Вы хотели сказать «слышал»?

– Ну зачем же я буду обманывать? Ничего я не слышал. Я видел. Но мне этого было достаточно. Так вот в футбол он играет примерно так же. Ты ему передай: пусть он, перед тем как ударить по мячу, попробует закрывать глаза.

– Зачем?

– Потому что с открытыми глазами он всю дорогу бьет мимо.

Ах, знал бы наш тренер старик Бетховен, как это его замечание изменит всю историю нашей футбольной сборной! Но об этом после. А пока что он был совершенно прав. Правда, таким мазилой в нашей команде был не только я один. Вообще, спортивная мощь консерваторской сборной по футболу сильно оставляла желать лучшего. Единственное, чем мы могли похвастаться, – это стабильностью результатов. Всем своим соперникам по первенству города по футболу среди вузов мы проигрывали примерно с одинаковым счетом, а именно 8, 9, 10 или 11:0. Наша экипировка тоже оставляла желать лучшего. И тоже сильно. Мы выходили на поле в длинных сатиновых, как тогда говорили, семейных, трусах кто черного, кто синего цвета, в общем, у кого какие имелись. На ногах у нас были разного цвета длинные носки, которые заменяли нам гетры, а также сандалии вместо бутс. Наш полузащитник, который в свободное от учебы время пел в хоре местной оперетты, вообще обувал на игру средневековые лакированные туфли, украшенные огромными блестящими пряжками с фальшивыми бриллиантами, взятыми им напрокат из театрального реквизита. Одинаковым у нас был только верх, и это было самое отвратительное. Помните, в советские времена продавались такие кальсоны со штрипками? Которые моментально растягивались во всех местах, а потом сползали внутрь штанов в самый неподходящий момент? Ну голубенькая такая байковая дрянь с серым оттенком. Так вот, к этим подштанникам придавались еще и тельнички. Такого же безнадежно больничного вида. Вот они нам и служили футболками. На каждом тельничке химическим карандашом вкривь и вкось был намалеван номер. В общем, когда мы в этом клоунском прикиде появлялись на футбольном поле, нас всегда встречали смехом и аплодисментами. А когда мы покидали его, получив свои заслуженные 9 или 11 штук, смех уже сменялся хохотом, а аплодисменты – свистом. Конечно, постоянно испытывать такие удары по самолюбию было довольно сложно. Но любовь к футболу была для нас выше какого-то там самолюбия. Хотя на отдельные игры, особенно результативные для наших соперников, некоторые из нас старались вообще не приходить. Кстати, Бетховена наша недисциплинированность тоже устраивала.

– Да, мы опять проиграли, – объяснял он своим коллегам на кафедре физического воспитания, – ну так и что вы можете до нас иметь? Мы же играли в меньшинстве! А это ж даже ребенок знает: стоит судье удалить хотя бы одного футболиста, и вся команда имеет квадратную голову. А тут четыре!

– Что, судья удалил сразу четверых наших футболистов? – с возмущением спрашивали коллеги.

– Нет, – отвечал Бетховен, – просто четыре наших футболиста – это вообще все, кто из нашей команды явился на стадион.

Конечно, игру отменили, и нам засчитали техническое поражение со счетом 3:0.

– Минуточку! – говорил самый умный на этой кафедре руководитель секции шахмат. – Я вас правильно понял, Наум Зиновьевич? То есть если бы мы явились на эту игру в полном составе, то мы бы, как всегда, сгорели этому сельхозинституту со счетом 7:0 или даже 8? А тут вообще не явились – и всего 3? Хм-м-м... Так это же меняет картину. 3:0 – это уже не разгром, это нормальный счет в игре практически равных соперников. Видно, что наша команда боролась. Слушайте, так, может, это и есть наш путь в футболе?!

Но кафедра сочла такой путь непедагогичным и обязала нас являться на все без исключения игры под угрозой неполучения зачета. Конечно же, мы подчинились...

Впрочем, была одна игра в сезоне, являться на которую нас не нужно было обязывать. Мы и так являлись на нее всем составом вместе с запасными и даже травмированными. Это была игра со сборной «водного» института. Ну, им-то мы никогда не проигрывали со счетом 10 или 11:0. Им мы проигрывали со счетом 21:0 или 23. А как могло быть иначе? Все знали, что сборная «водного» института – это не что иное, как дубль самого «Черноморца». Они потому и учились в «водном» институте, что в жизни ни на какие лекции не ходили, а играли за этот самый дубль, круглые сутки находясь на его спортивной базе и совершенствуя свое спортивное мастерство. Ну а мы-то чего, спрашивается, бежали на игру с ними? Чтобы в очередной раз нам наколотили, как говорили одесские болельщики, «полную торбу»? Это что же, у нас был такой еще не описанный в психиатрии вид спортивного мазохизма, что ли? А вы подождите с выводами! Был тут один секрет, был!

Просто главное для нас в игре с водниками наступало после финального свистка. Как только он звучал, команда моряков бежала к центру поля, чтобы поприветствовать и поблагодарить своих болельщиков. Вот тут-то мы всем составом и набрасывались на них, обнимали, поздравляли с победой и в знак вечной спортивной дружбы предлагали, как это принято в большом спорте, обменяться футболками. Ах, какие у них были футболки! Сказка! Яркие, из настоящего шелка. А как же? Их водоплавающее руководство привозило водникам спортивную форму прямо из-за границы. В таких футболках можно было пойти не только на стадион, но даже в филармонию. Так вот эту их спортивную одежду мы и предлагали обменять на наше отечественное исподнее. В первый раз, помню, они несколько растерялись, и, не зная, как поступить в такой ситуации, начали с нами обмениваться. Предлагаю, как им потом досталось от их спортивного начальства! Так что к следующей игре наши соперники уже подготовились. Но и мы подготовились тоже. Самые быстроногие из нас попросили Бетховена не ставить их в начале матча, а выпустить за пятьдесят минут до его окончания, чтобы сохранить силы на последний рывок. И вот, когда водники после финального свистка, уже не прощаясь с публикой, бросились бежать в свою раздевалку, мы кинулись за ними и некоторым, кому удалось-таки сохранить силы для рывка, нескольких из них все-таки догнали. Обступили, примерно в соотношении пятеро на одного, и так стали радостно обнимать, что повалили на поле и, не выпуская из дружеских объятий, опять предложили в знак нашей вечной спортивной дружбы обменяться майками, а заодно и вообще всей футбольной формой. То есть их гетрами вместо наших носков, их бутсами вместо наших сандалий, а если получится... Короче, даже трусами.

Не помню, чем это все закончилось, но хорошо запомнил, что к последней игре, ради которой я и пишу этот рассказ, нашим соперникам наконец удалось выработать стопроцентный способ борьбы с нашим вероломством. А именно: заколотив нам положенные 25 или 26 голов, они, не дожидаясь окончания матча, буквально за минуту до финального свистка вдруг все как по команде неожиданно повернулись и помчались в свою раздевалку. Конечно, мы бросились за ними. Но где там... Через мгновение

я огляделся по сторонам и увидел, что на поле, кроме меня, из игроков вообще никого нет. Ну, кроме судьи, конечно. А у меня в ногах мяч, и передо мной, метрах в пятидесяти, совершенно пустые ворота команды «водного» института. Но добежать до них я явно не успеваю! Потому что этот судья сейчас как раз свистнет. И матч будет закончен. И тогда я решился. Я сделал все, как учил тренер Бетховен. То есть закрыл глаза и ударил.

И, представьте, попал!

Ну что сказать? Прошло более полувека. Но фотографии, сделанные на этом матче, до сих пор украшают комнату футбольной славы одесской консерватории. Да, мы проиграли тогда со счетом 25:1. Но не кому-нибудь, а дублю «Черноморца»! И этот единственный гол мы забили практически с центра поля, да еще и с закрытыми глазами. В общем, тот, кто может повторить этот спортивный подвиг, пускай попробует!

А я, рассказывая внукам о своей молодости, с чистой совестью говорю им, что в те далекие годы их дедушка не только плохо играл на скрипке, но и совсем не хуже играл в футбол.

Кепка с характером

Вот так бывает в жизни: мается человек, мечется по малоухоженному пространству судьбы в поисках своей голубой мечты. А ее все нету и нету. Как сырокопченой колбасы на полках в советские времена.

А тут приезжает он как-то в город Ригу и сразу же видит: так вот она где, его мечта! То есть не колбаса, конечно, и не длинноногая латвийская блондинка, как наверняка думает мой проницательный читатель – и ошибается. Потому что голубой мечтой моей жизни в то время была никакая не латвийская блондинка, а, наоборот, финская кепка. Ее-то я и увидел в витрине первого же попавшегося мне на глаза рижского универмага.

И она была прекрасна.

Вельветовая кепка-берет с небольшим козырьком и пумпочкой на макушке была водружена на манекен. Кроме нее на манекене имелся блузон свободного покроя, выполненный из такого

же вельвета, а также клетчатый шарфик, артистически вывязанный вокруг шеи. То есть все то, что в идеале мне и требовалось. Зачем? Объясняю: человечество со временем, конечно, начинает кое-что соображать. Например, ум и талант, говорят, стали цениться сегодня дороже. Но главные, фундаментальные ценности остаются прежними. Например, куда бы вы ни пришли, встречают вас по-прежнему по одежке. А значит, человек в таком прикиде, который я описал выше, будет сразу же всеми воспринят как личность незаурядная, творческая – может быть, выдающийся художник, а может, как в случае со мной, без пяти минут всемирно известный писатель. То есть будучи одетым в такие шмотки и имея у себя под мышкой, скажем, картину собственного изготовления, вы можете спокойно прийти на какой-нибудь престижный аукцион, где ваша картина будет сразу же продана за очень большие деньги.

Ну а если у вас при таком фасонистом гарнитуре имеется рукопись собственного романа, то вы можете сразу же направляться в комитет по выдаче Нобелевских премий. Причем непосредственно в кассу. На что мы с женой, честно говоря, очень рассчитывали. Так как, подсчитав все свои возможности, пришли к неутешительному выводу, что от полного финансового краха в данный момент спасти нас может только непредвзятое, а главное – гуманное решение Нобелевского комитета. И тут уже, согласитесь, без писательской кепки мне было никак не обойтись. Конечно, ее, как и блузон, и даже шарфик, можно было давно купить в Одессе, где-нибудь на «Седьмом километре», но все это было бы подделкой. А я всегда говорил и продолжаю настаивать на том, что эксперты Шведской академии за версту отличают писателя, у которого на голове фирменная писательская кепка, от такого, у которого на голове кепка, сшитая на Малой Арнаутской. Потому что должен же быть у этих экспертов хоть какой-нибудь объективный критерий, по которому они определяют, кому в этом году выдавать Нобелевскую премию по литературе, а кому, наоборот, не выдавать. В общем, явись я в этот комитет в кепке, сшитой, скажем, на Малой Арнаутской, мой роман сразу же был бы признан бездарным и графоманским. Хотя, честно говоря, у меня и такого не было. Но нужно же было с чего-нибудь начинать. Я решил начать с кепки.

– Нет... Это не есть возможно, – замахал руками продавец рижского универмага, – кепка продается только с блузоном и шарфиком. Это ансамбль, произведение искусства, как Домский собор.

– Но у меня сейчас нет денег на весь Домский собор, я могу купить только его шпиль, то есть кепку. Вот двадцать долларов.

– Поймите, – упирался продавец, – эта кепка и блузон, и шарфик у нас имеются в единственном экземпляре. А вдруг кто-нибудь зайдет и захочет купить весь ансамбль, то есть весь Домский собор. С кепкой! Что я буду ему говорить?

В конце концов жене надоело слушать всю эту белиберду, она достала еще десять долларов, и судьба шпилья Домского собора была решена.

Я ехал в гостиницу, прижимая к груди вожделенную кепку, и душа моя ликовала. Перспектива получения Нобелевской премии становилась практически реальной. Правда, был один момент, на который мне стоило обратить более пристальное внимание: уже в момент вручения, я имею в виду пока только кепки, она неожиданно выскользнула из рук продавца, закатилась куда-то под прилавок, и мы ее довольно долго искали. Теперь-то я понимаю, что это было не случайно. Но тогда... Кто бы обратил внимание на такую мелочь?

В гостинице я торжественно уложил кепку на самый центр дивана, и мы с женой стали собираться на вечеринку, которую рижские друзья устраивали в нашу честь. Приняли душ, переоделись. Я подошел к дивану, чтобы надеть свою новую кепку, и обомлел. Кепки не было.

– Не понял, – растерялся я. – Точно помню, что положил ее на диван.

– Ой, что ты можешь помнить с твоим склерозом? Наверное, сунул куда-нибудь и забыл. Иди и ищи.

– Да нет у меня никакого склероза, – буркнул я.

– Но чудес же не бывает. В ванной смотрел?

– А зачем? Я ее туда точно не заносил. И вообще я в ванной не был.

– Да? А душ ты где принимал?

«Точно, – пронеслось у меня в голове. – Ну конечно, склероз... Но, господи, неужели он у меня уже в такой стадии, что я теперь даже принимаю душ, не снимая с головы кепку?!»

Я побежал в ванную. Нет, слава богу, ее там не было.

– Ищи, ищи, – поторапливала меня жена, – мы опаздываем.

Я опять обыскал весь номер. Даже зачем-то вышел на лестничную клетку. Я даже балкон чуть не открыл, хотя вообще-то в нашем номере балкона не было. Это еще счастье, что массивная стеклянная стена современной рижской гостиницы спасла меня от попыток сделать из нее балконную дверь и выйти на улицу непосредственно с двенадцатого этажа. Но кепки не было нигде.

– Да возьми ты, наконец, глаза в руки, – разозлилась жена, – вот она! Видишь?! В коридоре лежит, под радиатором парового отопления. Сам небось ее туда положил, и сам же найти не можешь!

И правда! Кепка лежала в самом незаметном углу нашего номера, затаившись под радиатором. Но я же ее туда точно не клал. Зачем? Я что, вообще идиот какой-то? Впрочем, вопрос этот я жене на всякий случай не задал, рискуя нарваться на утвердительный ответ.

И мы поехали в гости.

Должен сказать, что еще в 80-е годы, когда я впервые побывал в Риге, она поразила меня тем, сколько необыкновенно талантливых и при этом совершенно внутренне свободных режиссеров, композиторов и философов помещалось в этом сравнительно небольшом городе. Думаю, что еще где-нибудь в конце сороковых советская власть вполне могла бы обеспечить всем этим гениям существование на значительно более обширных просторах. Например, на Колыме. Но сегодня, когда Латвия стала свободной страной, моим друзьям бояться было совершенно нечего. Какими блестящими творческими планами делились они со мной в этот вечер, какие изумительные идеи высказывали! Казалось бы, слушай, записывай и пользуйся! Но где там! После выслушивания очередного гениального замысла мы все еще долго и с воодушевлением пили за его осуществление. А водка, чтоб вы знали, на всей территории бывшего СССР всегда была и остается главной, хотя и единственной защитницей наших интеллектуальных прав. То есть вы можете даже в самом отпетом кругу самых исписавшихся членов Союза писателей изложить сюжет стопроцентного мирового бестселлера и идти домой спать, будучи

абсолютно уверенным, что у вас его никто не украдет, потому что на следующее утро все равно никто ничего не вспомнит.

Постепенно этот прекрасный вечер подошел к концу. Мы дружной компанией высыпали в переднюю, стали прощаться с хозяевами, одеваться. Я подошел к одиноко стоящей в углу старинной вешалке, на которую, придя, повесил свою кепку, и где, это я уже точно помнил, кроме нее, вообще ничего не было. И... Ну, в общем, теперь кепки на ней не было тоже. Правда, в этот раз я уже был умнее: не стал сразу поднимать панику, а скромно подошел к хозяину и спросил:

– Простите, где у вас в квартире находится радиатор парового отопления?

– Да вон, в углу, – ответил хозяин. – А зачем вам?

– Да так, знаете ли, испытываю некий писательский интерес, – туманно объяснил я.

Ну не мог же я ему прямо сказать, что уже заметил некоторые странные черты в поведении моей новой кепки.

– А вообще-то, у нас не один радиатор имеется, – между тем продолжил хозяин, видимо, стараясь сделать мне что-нибудь приятное. – Их у нас в квартире штук четырнадцать или шестнадцать...

– Боюсь, мне придется заглянуть под каждый, – предупредил я хозяина. – Это вас не затруднит?

– Да пожалуйста, – с истинно латвийским хладнокровием и гостеприимством ответил тот.

– Заглядывайте куда хотите и сколько хотите, мы, вообще-то, поздно ложимся...

Примерно через час, излазав всю квартиру, я вернулся в гостиную и объявил хозяевам о пропаже кепки.

– Но такого не может быть, – растерялся хозяин. – Вы же видели, у нас в гостях были профессора университета, режиссеры с мировым именем, они не воруют кепок!

– Да-да, – согласился я, – конечно, профессора... режиссеры с мировым именем не воруют кепок. Хотя, должен сказать, что в нашей стране был даже один президент, который в молодости... Ну, к вашим гостям это, конечно, не относится.

– И вообще, – продолжал хозяин, – мы в этом районе Риги даже спим с незапертой дверью. И еще не было случая, чтобы сюда кто-нибудь вошел без разрешения.

– Угу, угу, – покивал я. – Скажите, а вот не было случая, чтобы отсюда, наоборот, кто-нибудь вышел без разрешения?

– Что именно вы имеете в виду? – насторожился хозяин.

– Все, – одернула меня жена, – быстро поехали домой. А то тебя здесь, по-моему, уже и так принимают за ненормального.

Мы быстренько попрощались и вышли. Конечно же, пока мы спускались по лестнице, я постоянно оглядывался по сторонам. Кепки не было. И на улице ее не было, и на троллейбусной остановке. И только в последний момент, когда мы уже садились в троллейбус, я увидел ее. Она катилась по ночной вымытой мыльной пеной рижской мостовой и уже намеревалась повернуть в темный переулок. Я схватил ее за козырек буквально в последний момент. «Ну все, – думал я, держа кепку обеими руками, пока мы добирались в гостиницу. – Больше никаких экспериментов. Теперь ты от меня никуда не денешься».

На следующий день мы улетали в Одессу. Но я начал готовиться к отлету еще с вечера. Кепку я уложил на самое дно чемодана, сверху положил свои вещи, потом вещи жены, потом придавил все это рижскими подарками, потом закрыл плотно набитый чемодан, перетянул его кожаным ремнем, а ключик положил себе под подушку. «Так будет надежнее», – думал я, засыпая под перезвон колоколов Домского собора.

Утром приехал знакомый, чтобы везти нас в аэропорт.

– Вы вещи уложили?! – с порога закричал он. – Давайте, давайте, а то мы уже опаздываем.

– Все уложили. Можем выходить. Я вот только сейчас эти вещи на минутку обратно выложу, потом опять уложу – и вперед.

– Зачем их выкладывать? – со страхом глядя на меня, спросила жена.

– Ну так, знаешь, на всякий случай... Чтобы лишний раз не волноваться, – жалко пролепетал я.

Быстренько снял с чемодана ремень, открыл замок, достал подарки, потом наши с женой вещи, потом из чемодана, по идее, должна была появиться кепка. И она, конечно же, появилась бы... Если бы она там была. Но кепки не было.

– Вот теперь действительно все, – разозлилась жена. – Хватит! Ты посмотри на себя! Покраснел весь. Видимо, давление поднялось.

Да забудь ты про эту чертову кепку! Жили же мы без нее тридцать лет, и дальше проживем.

И мы поехали в аэропорт. По дороге я ни разу не обернулся по сторонам, чтобы жена, не дай бог, не подумала, что я чего-то тут высматриваю. И только на самой последней улице, после которой начиналась дорога в аэропорт, я машинально повернул голову и взглянул на витрину универмага, где начиналась вся эта история. Так вот, кепка была на месте. На голове у того самого писательского манекена, с которого я ее, как видно, вопреки кепкиным желанием, и снял буквально накануне.

– Мы можем остановиться, – сказала жена, – у нас остался чек, уверена, что нам ее вернут. В конце концов, мы в цивилизованном европейском государстве. Если каждый дурацкий колпак начнет устанавливать тут свои законы...

– Не нужно, – твердо ответил я, – поехали! Видеть ее больше не хочу! Ну, допустим, даже и вернут. Я привезу ее в Одессу, и ты представляешь, какая жизнь у меня начнется? Она будет исчезать каждый день, а я стану местной достопримечательностью. «А теперь посмотрите направо: это наш бывший писатель. Когда-то подавал надежды. Но последние годы известен только тем, что день и ночь ищет по всему городу какую-то кепку».

И потом, знаешь, я понял, в чем тут дело. Просто бывают вещи домашние, которые привыкают к дому, а бывают дикие, вот как эта кепка.

Для нее самое главное – свобода. И не мне, человеку, всю жизнь отстаивающему идеалы свободы, бороться с кепкиными принципами. А может, она вообще влюблена в этот писательский манекен с его тупой пластмассовой головой, у которого шансов получить Нобелевскую премию по литературе еще даже меньше, чем у меня. Но тогда тут вообще ничего не поделаешь. И, по-моему, уж ты-то, – обнимая жену, закончил я, – как никто другой должна ее понять...

